

БАННАЯ ИСТОРИЯ

Ах! Как хочется тепла.
С венечком распаренным.
В.Кудря

Это было в конце восьмидесятых годов. Новгородские деревни в то время ещё не совсем обезлюдели, были ещё покосы, в некоторых домах держали коров, свиней, овец и коз. Поля пахали, сеяли овёс и горох. Их убирали. Было кормовое раздолье медведям, зайцам и лисам. Медведи топтали посевы. На грунтовых дорогах, соединяющих поля и покосы, после дождя оставались их следы. Видно было, что медведи обходили лужи. Над самой землёй как бы скользили полевые луны, охотясь на мышей, высоко в небе парили и кричали орлы, в деревни залетали аисты, садились на столбы, вышагивали по полям. Осенью над самыми крышами пролетали огромные косяки журавлей, наполняя небо своим курлы-курлы-курлы. Ранней весной все кишело стаями мелких птичек, воздух был наполнен пением и жизнью. На изгородь иногда усаживался «в своей тельняшке» ястреб-тетеревятник, победоносно осматривая ещё не заросшие поля. На окнах «работали» своими острыми клювиками маленькие серые мухоловки.

В эти годы мы купили небольшую избу с обычными для этих мест хозяйственными постройками. Среди них была маленькая деревенская баня в довольно плохом состоянии. Нижний сруб почти совсем сгнил, остальные венцы были чёрными с большими и мелкими трещинами. Выступающие концы бревен местами едва держались.

Баня топилась не понятно как: не то по чёрному, не то по белому. Приземистая печь с котлом, закреплённым для верности проволокой к чёрному закопченному донельзя потолку. Заднюю часть этой, так называемой, печки, венчал короб из толстого железа, заполненный камнями, через которые шёл дым и пламя топки. Всё это ужасно дымило. Когда баня топилась, войти в неё было невозможно, хотя над крышей стояла труба, и из неё тонкой струйкой даже шёл дымок. Во время одной из топок я обнаружил, что за печкой пламя лизало брёвна. Пришлось этот проём между печью и стенкой засыпать сухой глиной.

В общем, баня была в таком состоянии, что требовала срочного капитального ремонта.

Я обратился к одному из знакомых мужиков, некому дяде Косте, жившему в районном центре, приблизительно в десяти километрах от нас. Это был приветливый и по-деревенски хватистый человек где-то около шестидесяти пяти лет. Физически очень крепок. Среднего роста. И сразу поражал мощной грудной клеткой, выпуклой и широкой. Он многое повидал и пережил. Позже с кем-то из своих приятелей он покрывал нашу избу шифером, и при моей посильной помощи перестроил почти развалившееся крыльцо, превратив ее в большую открытую веранду, которая стоит до сих пор. Работал он по часовому тарифу. Приходил каждый день к восьми часам утра. Трудился без перекуров до обеда. Потом обедал с нами, при этом выпивал рюмку водки, но не больше. Запивал всё это холодной родниковой водой из ковшика. И снова шёл работать до пяти часов. Потом снова выпивал рюмку водки, делал глоток-два холодной воды и уходил домой лесной тропой в свой райцентр. Все были довольны. Работал он споро, приходил и уходил всегда в одно и то же время.

Мы бывали у него в гостях, иногда даже ночевали. Он прошёл войну, немецкий плен, потерял родную сестру, которая была в войну снайпером. Специальности у него никакой не было. До пенсии он работал в леспромхозе. Иногда рассказывал о войне, такой, какой она была им воспринята в период действительной службы на западной границе в погранвойсках, принявших первый удар.

Он вспоминал, как неожиданно их подняли по боевой тревоге, как они заняли какие-то позиции и как им сказали о первом из них, погибшем в этом бою. Немцы, видимо, шли в обход и быстро передвигались. Им было не до них. Никто ничего не понимал, и застава стала уходить на восток. По-моему это были Карпаты. Они уходили организованно, без паники. Да ей и неоткуда было взяться. Солдаты, а это были по нынешним временам мальчишки, не представляли себе общей ситуации и той смертельной опасности, которая окружала их. Он запомнил, как в одной из лесистых горных балок они сверху увидели немецкий отряд. Оружия у них было достаточно. И появилось желание напасть на этот отряд. Но лейтенант, который ими командовал, не разрешил этого делать. В отличие от них он понимал, что немцы здесь не одни, и, если даже удастся их уничтожить, они обнаружат себя и потом им будет не уйти. Он так и сказал им:

– Ребята, не будем их трогать. Надо двигаться к своим.

Этот молодой лейтенант оказался мудрым человеком. Он спас им жизнь и, в конце концов, вывел к своим.

В жизни дяди Кости было много очень разных событий. Но, удивительно, что среди них он помнил своего первого командира в этом внешне незначительном эпизоде.

Потом были бои за Киев, где его контузило, и он попал в плен. Как-то на одном из дачных посиделок у наших соседей, которым он тоже помогал, оказался человек с общей с ним судьбой. Надо было видеть, как они живо вспоминали моменты пленения, когда их сортировали в группы и на их глазах расстреливали командиров. Они рвали комсомольские билеты, срывали комсомольские значки и старались быть незаметными солдатами. Никакого героизма. Они были совсем молодыми простыми ребятами, кто из деревни, кто из города. Они хотели жить и не хотели умирать просто так.

Из лагерной жизни дядя Костя вспоминал только одного немца – врача, который помог ему выжить и то, как их несколько человек забрал к себе на сельские работы какой-то бауэр и тем спас им жизнь.

Дядя Костя рассказывал:

– Мы были так худы, что вместо ягодиц висели кожные складки и так голодны, что ни о чём кроме еды не могли и думать. Когда этот немец привёз нас в своё хозяйство, и нас отвели в сарай, мы жадно набросились на сырую картошку в корыте и стали пожирать её грязную вместе с кожурой. Немец был поражён и сказал, что нас накормят. Но мы ничего не воспринимали, только ели и ели. Потом упали в сено и мгновенно заснули.

Этого немца он хвалил и говорил, что если бы он не попал к нему, то, скорее всего, умер бы от голода.

В плену он пробыл четыре года. Освободили их американцы.

– Помню, – говорил он, – построили нас и к нам вначале вышли наши военные в непривычных для нас погонах и сказали, что теперь мы свободны и можем ехать на родину. Затем, вышел какой-то американец и заявил, что кто хочет остаться, пусть сделает шаг вперёд. Несколько человек вышло, а мы поехали домой.

Для дяди Кости всё обошлось хорошо, хотя дни, когда его вызывали и с наганом на столе кричали:

– Ну, Гаврилов, сука, рассказывай, как родину продавал. – Он запомнил на всю жизнь.

Достаточно было, чтобы кто-то на него показал и вместо дома оказался бы он в советском лагере. Но на Костю Гаврилова никто не показал, и в нём безошибочно увидели простого деревенского мужика. Может быть, это и спасло его. Установили его воинскую часть, нашли каких-то командиров, один из которых был жив и взял его к себе ординарцем. В этом «чине» он и закончил войну.

Умер он, немного не дотянув до семидесяти лет, от опухоли мозга. Видимо, контузия была не шуточная. Я часто вспоминаю его и всегда по-доброму. Простой и хороший был человек, чистой русской породы, возвращенной новгородской землей.

Баньку мою он «починять» не взялся. Сказал только, что не стоит ее трогать. Стоит и стоит и еще долго простоит. Когда ставили веранду (он называл ее «крылец»), то, приподнимая над ней старую крышу со стропилами от бывшего крыльца, вначале подпирал её в обхватку столбами и, прижимая их к животу обеими руками, натужно выпрямлял спину. Он называл это словом «вздынуть». Про тяжёлое говорил «беремя». Я многому научился у него. Стал понимать, что значит «охорошить стог», «обрядить» скотину, что поворот дороги можно называть «поверткой», научился отличать покос от просто поляны, на которой растёт, но не косится трава. Он показал мне как натёртым ольховой головешкой шнуром отбивать на доске прямую линию, как ровнять по ней топором эту доску, как пропиливать щель между половицами, чтоб они сходились впритык и как их плотно сдвигать, прижимая друг к друг клиньми. Он даже оставил мне свой топор на память. Прекрасного звона и выточки лезвие, поразительно ладное и удобное в руке топориче. Как-то он предложил мне:

– Давай работать на пару, будем «крыльцы» ставить.

Видно, я неплохо помогал ему. Я очень горжусь этим предложением и помню дядю Костю. Это был деревенский мужик довоенного образца и дореволюционной генетики русского народа. Работающий, хватистый, ловкий и сильный.

Несмотря на его советы не трогать баню, я не мог оставить эту идею и следовал тому внутреннему голосу, который у Некрасова отражён в словах – *«мужик, что бык, втемяшится в башку какая блажь, колом её оттудова не вышибешь...»*. Я искал тех, кто взялся бы мне баню починить. И вот появились двое. Им было не более, чем по сорок лет. Нагловатые, смотрящие на тебя как

на городского «фраера», не умеющего топор в руках держать. Потом я понял, что в их глазах я был просто «лопух». И с точки зрения их психологии они не ошиблись, надо отдать им должное. Они по-хозяйски и мастеровито осмотрели баню, подёргали за концы брёвен по углам, один конец отломали и выслушали мои пожелания сделать всё «под ключ». Я им сказал приблизительно так:

– Мужики! Вы поднимаете баню на два венца, перекладываете полы и печь с каменкой, меняете двери и т. д. Затапливаем. Я с Вами расплачиваюсь и захожу париться.

Они ответили, что всё поняли, пошептались, и один из них назвал цену. Я тогда был при деньгах и, не торгуясь, согласился. Они ещё раз баню обошли, поговорили между собой и тот из них, что называл цену первый раз, назвал другую цену, больше первой приблизительно на треть. Я снова, не торгуясь, ответил согласием.

Не знаю, что там произошло с их извилинами, но они, помолчав, заявили, что придут работать в понедельник. А наш разговор происходил в субботу. Что называется «ударил по рукам». Мои «мастера» собрались уже уходить, но что-то замешкались, потоптались и «главный» из них сказал:

– Хозяин, есть у тебя бутылка в счёт будущей работы?

Конечно, у меня была припасена пара бутылок. Порядок-то я знал. Верочка принесла. Отойдя несколько шагов, они снова остановились. «Главный» вернулся и попросил ещё одну бутылку. Я не спорил. Принёс. Наконец, они ушли.

Конечно, ни в назначенный понедельник, ни позже они не пришли, и вообще я их больше не видел. Позже при случае, я сказал об этом вдове дяди Кости (оказывается, это она их прислала). Она их нашла, пристыдила, крепко отругала по-крестьянски. Они повинились. На том и кончилось. Я на них не обиделся, поскольку понял, что сам вёл себя с ними как «лопух» и в чём-то ситуацию спровоцировал, хотя и бессознательно. Как говорят – получил, что заслужил.

Но всё же я расстроился. Стыдно стало за них. Встал в памяти Костя Гаврилов. Он был совсем другой. А разница в их годах составляла каких-то двадцать лет. Измельчал народ. Вспомнил слова Горького из рассказа «Рождение человека»:

–...солнцу, часто, очень грустно смотреть на людей: так много оно потрудилось для них, а – не удались людишки...».

Да! Похоже, что не удалась.

Всё же моя блажь дала результаты, и я справился со своей «банной» задачей. Вначале я хотел сделать все сам. Даже привезли мне несколько сосновых «хлыстов». Это не распиленные и не окоренные стволы для сруба. Но потом, слава богу, я оценил свои возможности реально и понял, что я, скорей всего баню развалю. Пошёл в близкую деревню и нашёл там настоящего, как и Костя Гаврилов, мужика. Звали его Виктор Павлович. Войну он не «проходил», поскольку, работая в шахте, сломал ногу вагонеткой и сильно хромал. Но был сноровист, и в любом деревенском деле мастер. Как и все тамошние мужики любил выпить, но не более. Сговорились. О цене ничего сказано не было. Ранее я немного общался с ним и знал, что он не рвач, человек честный и надёжный. Вечером он зашел к нам, выпил стопку, осмотрел работу. Назавтра пришёл к семи утра, хотя моросил дождь, и я не думал, что он появится. Я ещё спал. Жена моя, Вера, родилась «жаворонком». Всегда вставала ни свет ни заря. Выглянула в окошко и давай меня тормошить:

– Вставай скорее! Виктор Павлович идёт! Встречай! Неудобно!

Я вскочил. Ополоснул лицо. На рубаху накинул ватник (было холодно) и выбежал на «крылец» (Костиной работы). Виктор Павлович уже, ковыляя, подходил. В тёплом рабочем пиджаке, кепке, со своим топором. Завтракать с нами не стал. Сразу за дело. Ещё раз осмотрел баню, обмерил её и принялся корить брёвна. Мы быстро позавтракали и я со своей тётушкой (летом она жила с нами в деревне) стали помогать ему. Вера осталась в доме по хозяйству. Непрерывно шёл мелкий дождь. И мы бы ушли в избу. Но Виктор Павлович работал, как ни в чём не бывало, и нам было неудобно уходить. Я поразился своей тётушке, как ловко она корила брёвна. Оказалось и до войны и в войну, она много работала на лесозаготовках и там научилась этому ремеслу. Я этого ранее не знал. И теперь она делала это, похоже, с удовольствием, вспоминая молодость, хотя тогда ей, почти девчонке, было работать на лесоповале очень тяжело.

Виктор Павлович приходил каждый день, в любую погоду. Как и Костя работал точно до обеда. В обед выпивал рюмку водки и снова шёл трудиться. Многому я у него научился. Как вывесить сруб, сделать ряжи внутри, подпорки снаружи, как связывать брёвна сруба, чтобы не расползлись. Как рубить венцы, метить и вырубать желоба в брёвнах, как выравнивать углы, если черновой сруб

получился немного ромбом, готовить глинистый раствор, складывать каменку, трубу, как снимать венцы снизу старого сруба и заменять их новыми и многому другому. Сегодня его уже нет. Я благодарен ему за мужицкое обучение. Да! Наши мужики всё умели. Тогда я частенько вспоминал своего деда, который и печи умел класть, и санки беговые делать и дом рубить, и сапоги точать, и валенки подшивать, и калиновые гвоздики заготовливать, и пахать, и сеять и многое другое.

Таков же был и дядька моей жены, Алексей. Всю войну прошёл простым солдатом в пехоте, дважды был ранен, потом контужен, почти глухой. Хаживал и в разведку и бывал в прикрытии, сдерживая наступающую пехоту немцев на Кубани, попадал под огонь наших «катюш», ходил в атаку. Когда нас немцы из Крыма выбросили, на телеграфном столбе перешлыл Керченский пролив. Дошёл до Берлина. Поднял четверых детей. Своими руками построил двухэтажный дом в Гантиади. Мастерил бочки, чаны, бочонки для вина, был прекрасный садовод, увлекался разного рода прививками деревьев, умел делать отличное вино, чачу, рыбачил в артелях. Дожил до первой грузино-абхазской войны. Потерял на ней дом, хозяйство. Умер в Адлере, бездомный на раскладушке в общежитии у своей младшей дочери.

Я тогда вдруг ясно понял, что руками таких, как Костя, Виктор Павлович, дядька Алексей построена вся Россия, все деревни, все её дома от хат до красивейших теремов, церквей и соборов. Ими вырублены просеки в лесах, проложены гати через болота, наведены мосты и всё, всё, всё, посажены сады. Честь им, хвала и память.

Наконец, работа была закончена и Верочка организовала торжественный обед на нашей большой открытой веранде (крылец, помните!). Открыли бутылку водки, налили в тарелки наваристых и вкусных щей. Верочка прекрасная хозяйка и умеет не только прекрасно готовить, но и отлично потчевать гостей и привечать их. Я сказал Виктору Павловичу спасибо и поднял рюмку. Выпил и принялся за щи. Виктор Павлович из стопки только пригубил и к щам лишь притронулся. Ему нужен был разговор. Я ещё и ещё раз его поблагодарил, похвалил работу и его мастерство. Потом спросил:

– Виктор Павлович, сколько же мы Вам должны?

Его реакция была для меня неожиданной. Он как бы не слышал моего вопроса. Ещё раз пригубил из рюмки, не закусывая, и стал рассказывать о зарубинских мужиках:

– Ты Зарубино-то знаешь? Ну, там где посёлок Артём, шахты. Отвалы-то, небось, видел. Это как на Боровичи ехать.

Я кивнул, что знаю, частенько проезжал и боровический автобус там делает большую остановку. Всегда народу много садится.

– Во-во, то самое. Так, я тебе скажу, эти зарубинские мужики, ну и дерут, прямо спасу нет. Ни чести, ни совести.

И начал рассказывать про зарубинских мужиков и их частные подряды, где, что и когда они рубили. Я вежливо слушал, иногда поддакивал и постепенно стал расстраиваться. Ну, думаю, сейчас после такой «артподготовки» как заломит цену. И самое главное, деваться некуда – работа-то сделана, а цена не оговаривалась. Послушал я его, послушал и вновь спрашиваю:

– Виктор Павлович, ну, а с меня-то, сколько за работу?

Он снова как бы не слышал вопроса, как говорят, пропустил мимо ушей. И вместо ответа спрашивает:

– Да! А ты когда из Кремниц (это маленькая деревушка на шоссе из райцентра) сворачиваешь на тропку в лес, видел новую баньку у дорожки?

– Видел, – говорю.

– Ну, так это тоже зарубинские рубили. А знаешь, сколько взяли?

Я знал, и знал, что цена была немалая, но ответил, что то-ж новая баня. Он её цену, также как и я, не назвал, но напомнил суть работ:

– Конечно, новая. Ну, вот у тебя мы поставили два новых венца снизу. А снимали-то три. Помнишь, когда ты спросил, зачем третий-то венец снимать, я тебе объяснил, что его заново подрубать надо, ладить под новое бревно, которое будет под ним. Это потому, что в лесу все деревья разные и среди них не найти точной замены бревну выброшенному. Деревья, как и люди, нет среди них в точности похожих, сколько ни ищи. Вот так.

Я совсем загрузил. Подумал, что лучше новую баню надо было ставить.

– Да-а, – задумчиво протянул я.

– Сколько же Виктор Павлович, платить-то.

Он выдержал довольно долгую паузу и вдруг неожиданно произнёс:

– Сто рублей!

Я прямо обомлел. Мы приготовили триста рублей (по тем временам это была хорошая цена), ну – а сто рублей, да ещё после таких разговоров.

– Виктор Павлович! Вы же работали почти две недели? Я так мало не могу заплатить. Говорите настоящую цену.

– Это и есть настоящая, я не шучу. И так я тебя почти граблю. Больше я не возьму, – был его ответ.

Началась какая-то странная торговля. Я уговариваю его взять с меня больше, а он упирается. Ну, ни в какую не хочет больше брать. Тогда я повернул дело по-другому:

– Виктор Павлович! Я очень Вашей работой доволен. И плачу Вам сто рублей, как Вы её оценили, а ещё двести рублей плачу как премию за отличное качество. Могу я премию выделить?

Он на миг задумался, но всё-таки продолжал отказываться. Не хотел брать больше и всё. Мол, ты мне водку ставил, помогал мне. Оказывается, он, по-мужицки, всё моё «участие» прикинул на каких-то своих невидимых для меня счётах, и названная им цена была вычисленной. Я стал объяснять ему, что это моё угощение, и я не столько помогал ему, сколько у него учился. Пока он раздумывал над моей диспозицией, Верочка принесла деньги и положила перед ним на стол. Он нехотя, задумавшись и побряхтывая, взял. Подержал их в руке и потом ... положил обратно:

– Нет, не могу. Этак, я тебя граблю. Не могу.

Началось его уговаривание и передвижение денег к нему и от него. Я, честно говоря, был в отчаянии и чувствовал себя очень неловко. Наконец, мне пришлось сказать, что если он не возьмёт эти деньги, то очень нас с Верой обидит. После этого он деньги, наконец, взял и убрал в боковой карман пиджака. Мы с облегчением вздохнули. Он поёрзал на скамье, допил свою стопку водки и уже собрался уходить. Потом вдруг неожиданно снова сел на скамью, вынул деньги, отложил от них сотню и твёрдо сказал:

– Ладно, двести возьму, раз уж так.

При этом оставленные две сотни разделил пополам. Одну положил обратно в карман, а вторую – в ботинок и заявил:

– Если моя баба спросит, сколько заплатили, скажете, что сто.

С этим он встал, попрощался и пошёл к своей деревне.

Мы дообедали и вернулись в избу. Ремонт бани закончился.

На следующее утро, снова около семи утра Вера будит меня:

– Вставай быстренько, чего-то опять Виктор Павлович идёт.

Я вскочил и скорее на крыльцо. Верно. Шел наш мастер. По-прежнему моросил лёгкий дождик. Наш деревенский просёлок был раскисшим от дождя, скользким и местами вязким. Виктор Павлович, тяжело хромая шёл в нашу сторону. На плече он нёс рулон рубероида. Кто когда-нибудь покупал такие рулоны и тем более использовал их для крыши, знает, как они тяжелы. А идти к нам было не близко. Виктор Павлович был крепким мужичком. В шахтах слабые не работают. Но он не был атлетом, да ещё и имел покалеченную ногу.

Вообще, о фантастической выносливости деревенских мужиков можно говорить отдельно. Как-то на «студенческой картошке» я наблюдал такую сцену. Несколько спортивных, натренированных в спортзалах студентов вызвались работать на погрузке ящиков с картошкой на автомашины. Вместе с ними работали деревенские. Через какой-нибудь час-два работы студенты, как говорят, «сдохли». Устали до состояния, что и рук не поднять. А местные работают и работают себе потихоньку, грузят машину за машиной. А с виду? Так себе. Никакой мышечной «накачки», ни какой выдающейся мускулатуры.

Я к Виктору Павловичу. Что такое, зачем этот рулон?

– Как зачем? – ответил он.

– Ты же говорил, что хочешь на бане крышу заново покрыть, а рубероида у тебя не хватает. Вот я и принёс. У меня остался неполный кусок.

Я был поражён. Действительно, как-то к слову я обмолвился про крышу, но не более. Просто сказал и всё. А вот он запомнил и, видимо, эта несчастная «премиальная» сотня мучила его душу. Вот он и принёс рубероид. Ему как-то от этого, видимо, полегчало. Конечно, посидели, поговорили о жите-бытье, тут уж он с удовольствием выпил стопку, занюхал её корочкой хлеба. Извинился, что дома дела, скоро скотину надо обряжать и попрощался.

На следующее утро всё повторилось снова. Только теперь Виктор Павлович притащил не рубероид, а мешок с яблоками своего сада. На мои вопросы он ответил с наивной простотой:

– Да яблоки-то хорошие. Ночью, ты, наверное, заметил, был сильный ветер. Много яблок попадало. Вот я и собрал. Да ты не беспокойся, всё равно свиньям скормил бы.

Яблоки действительно были хороши и свежи. Белый налив. Душистые и сочные. На этом моя банная история и закончилась. Виктора Павловича уж нет, а баня стоит и служит нам исправно. Входя в неё, всегда его вспоминаю добрым словом.

Но было ещё одно примечательное событие, связанное с Виктором Павловичем, о котором хочется рассказать. На старых картах наша деревня называлась «Муровско». Была она по тем меркам небольшой. Всего дворов двадцать. Теперь никто и не помнит точно сколько. Иногда появляются старики, приезжающие из Новгорода или Боровичей, посмотреть на деревню, где родились и бегали ребяташками. Поговорят с нами, повспоминают, где какой дом был, где было их подворье, прогуляются со своими внуками, да и уедут, думаю, навсегда. Название «Муровско», наверное, пошло от слова трава-мурава. Это первая трава после зимы, которую потом по зрелости заготавливают на сено. Действительно, у нашей деревни эти травы богаты. Теперь, правда, их никто не косит. А раньше у каждого покоса был свой родник, за которым ухаживали и чистили дно, на границах покосов иногда владельцы спорили, кричали, чуть не дрались. Мурава была в цене, и многие держали скотину. Каждая пядь сена была на счету. Обычно родник у покоса обсаживался бочкой без дна, и через её край самоизливал. Вода была чистой, холодной, немного газировала. Такой не крепкий нарзан с железистым привкусом. Как-то один из таких родников отыскал и я с сыном. Почистили его, тоже обсадили старой бочкой и довольно долго ходили к нему испить водицы и запастись ею в бутылки. Родник был у ручья, и в какой-то паводок его засыпало илом и завалило ветками. От дома он был далековато и я больше не расчищал его.

Теперь от деревни осталось только пять домов. Два развалились, а в оставшихся трёх, считая и нас, живут только летом. Местные нас называют дачниками, хотя крестьянствовали мы там по-полной. Конечно, пока были силы.

Вначале я выкашивал мураву только возле избы, да тропинки делал. Но напротив нас наискосок, в первые годы, всё лето проживала некая баба Катя. У неё был свой дом, была она коренным жителем нашей деревни. На зиму дети увозили её в Новгород. Всегда баба Катя была опрятной, по утрам в чистеньком

белом платочке сидела у раскрытого окошка и смотрела на мир. Как-то, видя мою косьбу, она сказала:

- А ты, Николаич, чего не всё косишь-то. Вот там и там это всё ведь ваше.
- Да не надо мне, – ответил я.
- Зачем? Скотины у меня нет. Зачем мне сено-то?
- Как зачем, – ответила баба Катя.
- А для духу. Покидай на сеновал. То-то дух в избе будет хорош.

С тех пор я так и делаю. Дух действительно хорош. Да и полежать на сене отменно. Когда бывали гости, я их тоже этим духом потчевал. Он запоминается на всю жизнь. И нам и детям и внукам. В городе они лишены этой улады и могут прожить, не ощутив её.

Каждый год старое сено я выбрасывал под огромную берёзу за баней (подкармливал её). Сеновал загружал новым сеном. Однажды по весне приходит ко мне Виктор Павлович и говорит:

- Николаич! У меня нынче овцы большой приплод дали. Не прокормить их мне до травы-то. Может, дашь сена. У тебя оно такое хорошее.

Разумеется, я согласился и сказал, что можно забрать всё сено. Он прислал сына и дочь. Им уж было где-то за сорок. В общем, взрослые тётка и мужик. В деревенской жизни они всё понимали и умели. Почти целый день на тележке они сено вывозили. Я был рад, что помог им.

Ближе к осени, встретив меня, Виктор Павлович сказал:

- Николаич! Спасибо тебе. Здорово ты меня с сеном выручил. С меня баран. Вот осенью резать буду, тебе одного дам.

Я стал отказываться, что не за что мол, что сено мне было не нужно, что я с удовольствием помог ему, рад, что такой случай представился и тому подобное.

- Нет, что ты говоришь. Я же знаю, что сено денег стоит, что ты косил, сушил, ворошил, убирал. Нет, нет. Баран это так, просто благодарность.

Я не стал всё это обсуждать и думал, что осенью он свой посул забудет. Стало холодать, огород был убран, грибов стало мало, мы начали собираться в город. Перед этим Виктор Павлович несколько раз угощал нас прекрасными кусками мяса. Я думал, что это и есть его баран. Но вдруг он заходит к нам и спрашивает:

- Николаич, ты как барана будешь брать с головой или нет?

Я ответил, что уж брал у него мясо и этого достаточно. Оказалось, что это было другое мясо, просто так. А баран остаётся, как он обещал. Предупредил, чтоб

обязательно рюкзак взял большой, баран тяжёлый. В общем, этого барана мы увезли в город и ели с большим удовольствием.

Я продолжал косить мураву и закидывать сено для духу на сеновал. Прошло несколько лет. Виктора Павловича не стало. Хозяйствовали уже его дети. Было тогда им лет по пятьдесят. Мы с ними общались, кое-что из вещей оставляли у них на зиму. Дружеские отношения поддерживали, как и раньше. После зимы привозили небольшие подарки. Они отдаривались картошкой, зеленью, пока у нас не выростала своя. Корову они уже не держали, свиней тоже. Были козы, да несколько овец, которых потом извели.

Однажды, приехав очередной весной, зашли к ним, поздоровались, немного поговорили и пошли в свою деревню. Я обратил внимание, что от их дома тянулась довольно густая «дорожка» из сена. Она тянулась до самого нашей избы. Сеновал был пуст. Больше того, наши ящики, в которых мы прятали на зиму разные вещи и заваливали сеном, были тоже пусты и даже поломаны. Я понял, что взяли сено «дети» Виктора Павловича. И удивил меня не сам факт, а то, что они мне об этом даже не сказали, да и поломано было многое. Зачем? Позже, дней через пять, как-то вяло и настороженно их мать призналась, что сено взяли они. Конечно, сена, мне было не жалко, и я заметил ей:

– Да, бога ради, берите, когда надо.

Но больше я к ним не заходил, ничего не оставлял, гостинцев не привозил и сено на дух не «заготавливал». Грустно стало. Начала теряться вера в людей. Может это современное проявление вечной проблемы отцов и детей. Не знаю.

Однако позже, года через два-три, я как-то осознал внутри себя, что баба Катя, Костя Гаврилов, Виктор Павлович, наверное, не одобрили бы меня. Плохое не должно побеждать хорошее. Я снова стал косить траву мураву на душистое сено. Постепенно все забылось.